

После того как Ли Циньйи отправил визитную карточку, он выбросил мысли о резиденции вана Цзиня из головы.

Приняв ванну, чтобы смыть усталость, он велел слугам доложить о своем возвращении матери, а сам направился в кабинет, чтобы навестить того, кто теперь приходил ему отцом.

Миновав извилистые галереи и пройдя через изящный сад, Ли Циньйи наконец достиг просторного кабинета, где канцлер занимался государственными делами.

— Отец, я не оправдал ваших надежд. Оставил вас с матушкой в столице, заставил волноваться, а сам скитался по свету и долго не возвращался домой, — увидев седину на висках канцлера, Ли Циньйи ощутил, как нахлынули чувства, принадлежавшие прежнему владельцу тела. Глаза его мгновенно увлажнились.

Это была глубокая тоска странника по родному дому и горькое чувство вины за то, что он не мог служить опорой родителям в старости.

Ли Циньйи никогда прежде не испытывал подобных эмоций. Чтобы не выдать себя, он подавил собственное сознание, позволяя остаточным стремлениям прежнего владельца управлять телом.

— Отец, не беспокойтесь, больше я не оставлю вас с матушкой на такой долгий срок, — остаточная душа подняла голову и твердо посмотрела на отца.

Она могла уловить часть планов Ли Циньйи и знала, что в будущем тот будет неотлучно находиться рядом с Цзюнь И, поэтому в словах не было ни капли сомнения. Исчезнуть навсегда — это был его собственный выбор. Если это поможет изменить судьбу семьи Ли, то всё стоит того! Он лишь надеялся, что Ли Циньйи сжалится и исполнит его последнее желание — позаботится о родителях.

— Ци Хань, ты... с тобой что-то не так, — Канцлер Ли прищурился и подозрительно посмотрел на сына. Будучи старым лисом, привыкшим к дворцовым интригам, он сразу распознал, что эмоции, исходящие от сына, не принадлежат ему самому.

Заметив странное поведение, канцлер внимательно оглядел любимое дитя, которого не видел много лет, и его лицо стало серьезным.

Хотя сын выглядел взволнованным и радостным, канцлер почувствовал скрытую в глубине его глаз тоску и ощущение прощания. Он слишком хорошо знал своего сына: если только ситуация не становилась безвыходной, тот никогда бы не потерял надежду. Что же он пережил за эти годы странствий, раз пришел к такому отчаянию?

Канцлер внезапно почувствовал укор совести: он не должен был полагаться на боевые навыки

сына и отпускать его одного без сопровождения.

Видя, как его почитаемый отец мучается чувством вины, остаточная душа затрепетала еще сильнее. Но она не могла рассказать правду — кто бы поверил в столь невероятную историю?

Ли Циньши, до этого момента затаившийся в глубине сознания, почувствовал мольбу о помощи и лишь обреченно вздохнул, возвращая себе контроль над телом.

— Канцлер Ли, здравствуйте, — Ли Циньши мягко улыбнулся отцу.

— Кто ты такой? — Канцлер Ли, не зря занимавший столь высокий пост, мгновенно насторожился. — Мой сын вел себя так странно именно из-за тебя?

Видя, как в одно мгновение любящий отец превратился в грозного канцлера государства Хуа, Ли Циньши одобритительно кивнул. Раз уж все раскрылось, скрывать больше не было смысла.

— Позвольте представиться. Я — Исполнитель задания из высшего Плана, ношу то же имя, что и ваш сын. По его просьбе я здесь, чтобы разлучить Ли Чэнъе и третьего принца, вана Цзиня.

Закончив, Ли Циньши вкратце описал суть своей работы.

Выслушав его, канцлер замолчал.

— То, что ты сказал... дай мне время обдумать это. А пока пусть Ци Хань пообщается с матерью.

Канцлер Ли в одночасье словно постарел на десять лет, от него веяло глубокой печалью.

Ли Циньши стало не по себе, но он промолчал и тихо покинул гнетущую комнату.

Во время дальнейшего разговора с матерью остаточная душа вела себя естественно, и до самого момента прощания госпожа Ли ничего не заподозрила. В конце концов, кругозор матери был ограничен, и при всей женской чуткости ей не хватало проницательности канцлера.

В древности темнело рано. К тому времени, как Ли Циньши вернулся в свой двор, солнце уже почти скрылось за горизонтом.

Понимая, что завтра предстоит нелегкий бой, он не стал тратить силы на лишние дела, лишь

немного почитал Книгу Наследия и лег спать.

Этой ночью Ли Циньи спал крепко, а проснувшись, почувствовал прилив бодрости.

Приведя себя в порядок и поприветствовав родителей, он быстро вжился в роль. Даже получив отказ в приеме от канцлера, Ли Циньи лишь слегка приподнял бровь и с улыбкой удалился.

В конце концов, канцлер всё поймет, а торопить его с выбором не было нужды.

Изменение судьбы — дело непростое. Удача, когда простое исчезновение души может изменить будущее всех причастных, выпадает редко. День завершения задания станет днем исчезновения прежнего Ли Циньи. Если к тому времени канцлер не успеет смириться... что ж, простите, но Ли Циньи не станет сообщать ему о последнем прощании с сыном.

Держа ситуацию в своих руках, Ли Циньи прибыл в резиденцию вана Цзиня с довольной улыбкой на лице.

Но, увидев самого вана, он тут же сменил выражение лица на обеспокоенное.

— Ваше Высочество, с вами всё в порядке? В тот день вы внезапно исчезли. Я долго искал вас под землей, но не нашел никаких механизмов, поэтому был вынужден вернуться на поверхность, чтобы собрать людей и организовать поиски. Только тогда я узнал, что вы благополучно вернулись в столицу.

Тревожный взгляд, нотка обиды в голосе — Ли Циньи мысленно похвалил себя за актерскую игру. Идеальный преданный слуга.

Ван Цзинь, услышав эти слова, на секунду неестественно напрягся.

— Кхм... благодарю за труды, Циньи, — ван бросил на него взгляд и постарался сохранить невозмутимость. — Тот механизм был одноразовым проходом наружу. Позже я пытался найти тебя, но не смог отыскать путь. К счастью, второй сын из семьи Ли спас меня, так я и смог вернуться в столицу.

Ван Цзинь с противоречивыми чувствами смотрел на Ли Циньи. Именно этот человек был свидетелем его падения, но именно он первым пришел на помощь в самый трудный момент. Ван Цзинь подумывал о том, чтобы Ли Циньи навсегда остался в подземной ловушке, но какая-то жалость внутри заставила его колебаться.

Он хотел избавиться от него, но рука не поднималась. Ли Циньи был первым человеком в его жизни, вызывавшим столь сложные чувства.

Мучимый сомнениями, ван Цзинь решил просто не видеть его, чтобы не беречь душу. В этом они с Цзюнь И были похожи: первая реакция на любовь — желание устранить объект, а если не выходит — сбежать от него.

Ван Цзиню повезло: он нашел утешение в замене, что позволило ему отвлечься от чувств к Ли Циньи. Но ему же и не повезло: как только он почти переключился, судьба вновь столкнула его с оригиналом.

Увидев Ли Циньи, подавленные чувства вспыхнули с новой силой. Ли Чэнъе, казавшийся раньше неплохим выбором, померк на фоне настоящего Ли Циньи, и ван больше не чувствовал прежнего удовлетворения.

Поэтому перед Ли Циньи он всегда подсознательно чувствовал себя виноватым.

— Как... как ты жил всё это время? — спросил он и тут же пожалел об этом. Ну что за глупость?

Разумеется, выражение лица Ли Циньи тут же изменилось.

Он посмотрел на вана с таким притворным, леденящим душу укором, что самому стало не по себе, и медленно начал рассказывать свою вымышленную историю.

— После вашего исчезновения я провел под землей еще два дня, но безрезультатно. К счастью, на стенах росли лианы, по ним я и выбрался. Но беда не приходит одна: я столкнулся с наследным принцем, чей нрав сильно изменился, и он взял меня в плен. — Ли Циньи тяжело вздохнул. — Я слышал, он замышляет недоброе против вас, поэтому поспешил в столицу, чтобы предупредить. Принц ныне не достоин своего положения, я не хочу, чтобы вы пали от его рук.

До самого конца Ли Циньи не спрашивал, когда к вану вернулась память, и не просил награды за спасение.

Именно это бескорыстие заставило вана Цзиня почувствовать себя крайне неудобно. Его память давно восстановилась, и он прекрасно помнил, что их отношения раньше нельзя было назвать дружескими. Вернувшись в привычную обстановку, он начал додумывать теории заговора и мысленно окрестил Ли Циньи человеком со скрытыми мотивами.

Но, вновь увидев его и услышав слова заботы, ван заколебался.

Где же твое достоинство! Из-за собственной трусости ты считаешь преданного слугу, который заботится о тебе, коварным шпионом? Если другие узнают, кто захочет служить тебе?

Что ж, увидев беспокойство в глазах Ли Циньи, ван Цзинь, чье самолюбие было задето, решил поверить.

— Прости, это моя вина. — Ван Цзинь с сожалением обнял Ли Цинь, прокручивая в голове все те ужасы, что тот якобы пережил. — Не бойся, теперь я буду защищать тебя. Я понял твои чувства, это я перед тобой в долгу.

Сдерживая отвращение от объятий чужака, Ли Цинь в бешенстве подумал, что готов убить его. Неужели он не знает о его брезгливости? Трогать его руками, которые перелапали кучу людей, — он что, хочет вызвать у него рвотный рефлекс?!

В этот момент обещание вана прозвучало у него над ухом, и он на мгновение даже забыл о злости.

Ли Цинь странно посмотрел на вана. Что у того в голове? Защищать его? Ему нужна чья-то защита? Высокомерие — это болезнь, и, похоже, ван Цзинь уже безнадежен.

Раздражаться на такого безумца было ниже достоинства Ли Цинь. Ловким движением он незаметно высвободился из объятий и с натянутой улыбкой произнес:

— Ваше Высочество, прошу, ведите себя прилично. Вы уже взяли в дом моего младшего брата, нам не стоит так сближаться.

Ли Цинь хотел напомнить вану, чтобы тот держал дистанцию, и незаметно усилить его неприязнь к Ли Чэнъю, но ван понял эти слова совершенно иначе.

— Ты ревнуешь? Не волнуйся, твой брат — лишь мелкая сошка. Если он тебе неприятен, завтра же он исчезнет.

— ... — Ли Цинь уже не знал, что сказать. — Ваше Высочество...

В этот момент резкий голос прервал его, делая эту сцену еще более захватывающей:

— Брат, что вы с мужем делаете?!

<http://bllate.org/book/22152/2307608>